

Лада
Кутузова

ТЕМНОГОРЬЕ

ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ — НИГДЕ

• сказки странных детей •

Annotation

Катя ссорится с матерью и решает проучить ее. Девушка покупает билет в плацкартный вагон до Темногорья. Что это за город, она не знает – но какая разница, если надумала сбежать из дома? Ведь это же ненадолго – просто немного попугать маму.

На станции она встречает парня по имени Игорь и загадочного Хирурга. Больше пассажиров нет. Когда утренний туман рассеивается, им открывается истинная сущность Темногорья. Какая-то мистика свела их троих на призрачном вокзале. И есть лишь один способ вернуться назад: пройти темный путь между мирами. Или умереть.

Лада Кутузова

Темногорье

*Человеку нужна только комната,
комната и кровать,
чтобы не метаться из города
в город, не ночевать
на вокзале, не дрожать от холода.*

Владимир Гандельсман

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Л. Кутузова, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава первая

Я тебя ненавижу!

Катя сидела за компьютером и сражалась в очередной битве. В чате высветилось: «Прикрой сзади!»

Сообщение прислал Вадик. Его ник в игре звучал гораздо круче имени – Повелитель снов. Катя отправила своего персонажа в тыл Повелителя и отбила контратаку двух эльфов. Наивные – надеялись подкрасться незамеченными.

«Молодец! – тут же получила она новое письмо. – Сейчас Тимофей с Серегой подтянутся».

Они продержались еще полчаса, последним пал персонаж самой Кати – Мистикс. Один из эльфов изящным движением меча отсек ей голову, и игра остановилась.

«Все равно мы круче», – набрала Катя. Вадик сильно переживал, когда они проигрывали.

«Конечно, любимая», – ответил Вадик.

Недавно они поженились. В игре, конечно. В жизни Кате было пятнадцать, а Вадик семнадцать. Он заканчивал одиннадцатый класс и намеревался поступать в горный институт. Катя училась в девятом и собиралась свалить из школы. Зачем учиться дальше? Все равно работать она не будет. Наверное. С ее красотой можно в любой момент найти богатого мужа и жить припеваючи. Она – как девушка с обложки журнала: чуть вздернутый нос, светлые волосы длиной до лопаток, серо-зеленые глаза. А пока мама прокормит.

Вспомнив про нее, Катя набрала номер.

– Мам, – заныла она в трубку, – кинь пятьсот рублей на вебмани.

– Катюш, – мамин голос напрягся, – конец месяца, у меня с деньгами не очень.

Катя взбесилась: как надоело это вечное – нет денег! Вот всегда так! Постоянно приходится на всем экономить. И зачем мать вкалывает от зари до зари, если каких-то жалких полтысячи не может найти, чтобы прокачать Катиного персонажа?

– Елки! – заорала она в трубку. – Да что мы как нищие какие-то? Как же меня все это достало!

Она швырнула трубку и упала на диван. Катя задыхалась от злости, обиды и разочарования. Ведь они с Вадиком договорились, что Мистикс нужен плазменный меч. А теперь она, как дура, признается, что не получилось купить нужный атрибут. Катя со всей силы ударила по мягким подушкам и затихла. Потом поднялась и пошла к холодильнику.

Мама приготовила борщ и голубцы, но разогревать было лень. Катя взяла яблоко и вернулась в комнату, включила телевизор. Шел очередной сериал про любовь. Катя жадно подмечала, какие шмотки и яркие украшения на главной героине. Все-таки одежда для девушки важна. Иначе никто и внимания не обратит. Раздался звонок.

– Катюш, – спросила мама, – ты до завтра подождать не можешь?

– Нет, – резко ответила та.

– Я тебя прямо с утра деньги кину, – уговаривала мать.

Катя для виду еще поворчала, но в душе ликовала: все равно в игру она войдет только

через сутки – Вадик усиленно готовился к сдаче экзаменов, поэтому долго сидеть за компом не мог.

– Ладно, – буркнула она.

– А ты обедала?

Катя почувствовала недовольство – опять мама лезет со своей заботой. Что она, маленькая? Сколько можно ее контролировать?

– Не хочу, – сдержанно ответила она. – Пока!

Положив телефон, Катя несколько раз подпрыгнула и восторженно завизжала: «Да, да, да!» Села обратно за стол и вошла в социальную сеть.

В онлайне высветилась Светка, одноклассница. Катя с ней общалась постольку-поскольку. Временами гуляли в одной компании и вместе ходили по магазинам – разглядывать одежду. Мать ворчала:

– Что ты нашла в ней? Ленивая, учится плохо, еще и курит.

Катя отмахивалась. Со Светкой прикольно. А мама со своими взглядами отстала от жизни. Кому нужна эта учеба? Главное – ухватиться за счастливый случай. В их классе все так считают. А мама пилит: учись, думай о будущем. Можно подумать, ей это образование как-то помогло. Даже на море поехать не могут – лишних денег нет. А Светка два раза в год ездит: весной и осенью. И не в Египет или Турцию, как все, а во всякие экзотические страны типа Вьетнама и Таиланда. Да и Турция нормально или хотя бы Крым, но мама постоянно стонет, что «бабок» нет. И стоило высшее образование получать? Надоела эта нищета!

Ничего, скоро лето. Мама обещала ее курьером устроить к себе на работу. Можно будет денег накопить. В прошлом году за три месяца Катя себе на новый смартфон заработала. Жаль только, что его украли, когда они с девчонками на дискотеку ходили. Пошли танцевать, Катя оставила его на столике, а, вернувшись, уже не нашла. Пришлось у мамы просить, чтобы купила телефон – куда сейчас без него? А та, как всегда, начала выговаривать, что Катя вечно все теряет. Ни чужих, ни даже своих денег не ценит. Катя слушала и едва удерживалась, чтобы не разреветься. И так тошно, а тут еще и мама добавила. Могла бы и пожалеть. Ну, что она, Катя, – совсем ничтожество?

Светка похвасталась новой фенечкой – родители купили ей украшение из муранского стекла. Огненно-красный с черными и серебряными разводами кулон висел на кожаном ремешке. Приятельница с ним здорово выделялась. Еще бы, с таким украшением без внимания не останешься. Катя прикусила губу: как бы выпросить у матери что-то похожее, только круче? Та точно зажмет деньги, будет перечислять, что им кредит платить надо, а еще на что-то жить, а Катин отец снова тянет с алиментами. Катка нахмурилась: не повезло с отцом. У других папы – бизнесмены или чиновники, а у нее – обычный охранник. Устроился на работу с «серой» зарплатой и платит гроши, да и про те забывает. В последний раз орал на мать так, что слюни изо рта летели. Мол, совсем зажрались они с Катей, а ему на жизнь не хватает.

Катя тогда глядела на него, словно впервые увидела: совершенно чужой человек. Раскрасневшийся от злости и ярости. Почему-то он помнился совсем другим. Что с ним стало? Или всегда и был таким? Как только его мама полюбила? Вот она, Катя, себе нормального парня отхватит, с деньгами и интересного. Такого, как в кино показывают. Чтобы на дорогих тачках разъезжал и по ресторанам водил, и чтобы все подружки облезли от

зависти. Чтобы возил на острова с белым песком и лохматыми пальмами. И чтобы любил сильно-пресильно и заботился. Она сделает все по-умному, не зря кучу сериалов пересмотрела. Ни один олигарх мимо не пройдет, сразу влюбится и разум потеряет. В кино всегда так происходит, и пусть мать не бухтит, что там один вымысел – она жизни не знает. Что она видела, кроме их маленького города, надоевшего до тошноты, как пенки от кипяченого молока?

Катя взлохматила волосы перед зеркалом, сделала селфи и выложила в Сеть. Красота! Любой, кто не дурак, увидит, что она – вся из себя такая шикарная. И грудь имеется! А не как два прыща у той же Светки, заклятой подружки. Было бы, что подчеркивать при помощи кулона! Моль бледная... Так что, когда мать вернулась с работы, Катя приготовила несколько ссылок на сайты с украшениями из муранского стекла.

– Мам, посмотри, – не дав раздеться, Катка бросилась к ней, – что я нашла!

– Подожди, – отмахнулась та, – сейчас сумки разберу.

Катя обиделась: ну что она, пары минут найти не может на собственную дочь? Дались ей эти сумки!

– Но тут быстро, – Катя потащила маму в комнату. – Классно, правда?

Та мельком взглянула на экран и нахмурилась:

– Катюш, ты цены видела? Плохо у меня с деньгами.

– Ну, всего три тысячи!

Мама развернулась и ушла на кухню, бросив на ходу:

– Потом поговорим!

Катя поплелась за ней. Села за стол и выжидающе уставилась на мать. Та разобрала пакет с продуктами.

– Голубцы будешь? – поинтересовалась мама, заглянув в холодильник.

Катя перекусила бы бутербродами, но спорить с матерью не хотелось – надо сначала выбить кулон и напомнить про пятьсот рублей. А то та сразу упрется, как будто самое главное для Кати – это правильное питание. Поэтому она съела целых два голубца и сделала вид, что в восторге.

Дождалась, когда мама вымоет посуду, и потащила к монитору.

– Правда, красивые?

Мама села рядом, подперла голову обеими руками и с отрешенным видом уставилась на картинки. Катя весело щебетала и щелкала мышью.

– Ты посмотри: прозрачное стекло, а в нем золотой шарик, – не удержалась и ткнула пальцем в монитор. – А этот синий, с серебряными блестками. Тебе какой больше нравится?

Мать вздохнула:

– Никакой – у меня денег нет. И могла бы убрать со стола, а то чашка с утра стоит, и огрызок валяется.

Опять заводится по пустякам! Мешает ей, что ли? Катя сдержалась, чтобы не вспылить.

– Устала? – участливо спросила она.

Мама пристально посмотрела на нее:

– Кать, я же понимаю, к чему ты. Но денег нет.

Катя резко вскочила, оттолкнула кресло, схватила пальто и выбежала на улицу.

Подтаявший с утра снег к вечеру образовал тонкую корочку льда на асфальте. Катя поскользнулась и чуть не упала. Ноги в тапках мерзли, но возвращаться она не спешила – пусть мать поволнуется. Почему у Кати своих денег нет? Постоянно приходится у матери кланяться. Как же надоело! А кулоны такие красивые... Катя уже почти поверила, что один достанется ей. Почему мама не поймет, насколько ей это важно? Не так часто она и просит. Да и отдаст потом деньги, когда заработает. Другие родители просто так своим детям все покупают, а Кате постоянно выпрашивать надо. Катя нашарила в карманах пачку сигарет и закурила. Курить она стала в тринадцать, чтобы казаться старше и увереннее. У них в классе многие курят. Сначала пряталась от матери, затем перестала. Она первое время кричала и запрещала, потом смирилась. Вот и сейчас – двадцати минут не прошло, а уже раздалась тревожная мелодия – звонила мама. Ответила Катя не сразу, пусть помучается.

– Не замерзла? – виновато поинтересовалась мама.

– Нет, – буркнула девушка.

– Иди домой уж.

– А что мне там делать? – Катя понимала, что победа за ней, но ныла по привычке.

– Выбирай кулон, – произнесла мать, – но со следующей полочки.

Катя задрала голову в безмолвном крике: да, да, да!

Так и случилось – в начале апреля Катя получила долгожданное украшение. Выложила фотографии на свою страничку: пусть Светка утрется – не ей одной воображать. И подписала: «В каждой девушке должна быть фенечка». Затем примерила выпускное платье вместе с кулоном – класс! Платье мама купила незадолго до конца зимы. К этому времени Катя извела ее и себя: вечно в их городке не найдешь ничего нормального. А то, что получше, стоит так дорого, что даже покладистая мама отказалась наотрез. Но не придешь же на выпускной в обычных джинсах. Хорошо, что на работе матери посоветовали поискать в Интернете, и вскоре Кате досталось долгожданное платье. Цвет назывался «брызги шампанского». На тоненьких бретельках, грудь и талия подчеркнуты, а от линии бедер – короткая пышная юбочка. Блеск! И кулон на тонкой веревочке под цвет платья подходил необыкновенно: похожий на увеличенную каплю воды, золотистый и с серебряными искрами внутри. Конечно, вышло дороже трех тысяч, но ничего, пусть мать на чем-нибудь другом экономит. Катя, например, может почти ничего не есть.

Она натянула туфли на толстой подошве и огромном каблуке. Эх, выложить бы фотки, чтобы все увидели, какая она красotka, но тогда сюрприза на выпускном не получится. У них многие уходят после девятого класса. Директор школы не хочет несколько десятых делать. Мол, кабинетов не хватает. А на самом деле за экзамены в одиннадцатом классе боится – чтобы показатели не испортились. Катя полюбовалась отражением: сразу рост прибавился. Жаль, что она мелкая, почти самая низкая в классе. Хотелось бы на десять сантиметров подрасти, но мать говорит, что навряд ли. Катя вытаращила глаза, растянула губы в улыбке и собрала волосы вверх – шикарно. Обязательно помимо маникюра и прически надо сделать профессиональный макияж. Она будет самой хорошенькой. Катя стащила с себя одежду и небрежно бросила на диван – потом уберет. Или мама. Села за комп и вошла в игру, внизу сразу же всплыло сообщение от Вадика. Катя прочитала и расплылась в улыбке.

Вечером она осторожно завела разговор: вдруг мама начнет спорить, а ведь Катя уже пообещала Вадика.

– Мам, а можно ко мне в июне кое-кто погостить придет?

Та заварила чай, села за стол и уточнила:

– А кто именно?

Катя, как можно небрежнее, ответила:

– Мальчик один.

У мамы брови поползли вверх:

– Какой такой мальчик?

Катя резко выдохнула: опять мать лезет со своими расспросами. Какой, зачем... Других слов и не знает. Катя к себе Вадика приглашает, а не к матери. От мамы и не требуется ничего, лишь бы не мешала. Почему Катя не может пригласить, кого хочет? Вечно разрешения спрашивать надо!

– Ты его не знаешь, – ответила она. – Мы с ним вместе в одной игре играем.

– В какой игре? – не поняла мама.

Катя сдерживалась из последних сил: что же мать настолько непонятливая? Все разжевывать нужно!

– В Интернете которая. Мы уже год играем.

Мама удивилась:

– То есть вы даже не видели друг друга?

– Да что ты начинаешь?! – Катя повысила голос. – А скайп на что? Он москвич, заканчивает одиннадцатый класс. Сдаст экзамены и придет к нам.

Мать поджала губы, не замечая, что дочь снова хамит:

– А зачем он к нам придет?

Катя пожала плечами. Зачем, зачем... Влюбился, конечно. А ей лестно: взрослый парень, симпатичный и умный. Все девчонки перемрут, как осенние мухи, когда она с ним гулять выйдет. У них в классе из девчонок многие с парнями встречаются. А у Кати нет никого. Только Вадик, но он в другом городе. Но мама уперлась:

– Ну, как ты его пригласишь? У нас всего две комнаты. А ты даже постель убрать не можешь. Такое ощущение, что Мамай прошелся – сплошной бардак.

– Не преувеличивай, – нахмурилась Катя. – Никому, кроме тебя, нет до этого дела.

Что мама за человек такой? Вечно найдет, к чему прикопаться! Неужели запретит?

Тогда мать попробовала надавить с другой стороны:

– Катя, неужели ты не понимаешь? Парням в этом возрасте только одно нужно – секс.

Катя закатила глаза:

– Ну и дам.

Воцарилась тишина, словно из матери весь воздух откачали, а потом начался дурдом.

– Что значит – «ну и дам»?! Ты хоть понимаешь, что говоришь? – мать повысила голос.

– Да что я такого сказала?! – сорвалась Катя. – Тоже, ценность великая. У нас в классе почти все девочки попробовали.

– Даже не думай! – заорала мама. – Я тебе запрещаю.

И тут Катя высказала все, что давно думала:

– Да иди ты! Что ты вечно ко мне лезешь?! Только попробуй запретить! Мне скоро уже шестнадцать исполнится. Я узнала: подам в суд на определение, что я эмансипированный подросток. Буду делать, что захочу, а ты мне – алименты платить.

Мама замерла. Смешно получилось: вот она округлила щеки, собираясь ответить, воздух изо рта вырвался, а звуки остались. Точно забыла, что хотела сказать. Потом часто заморгала, будто в глаз что-то попало.

— Катя, ты понимаешь, что говоришь? — повторила она.

Катя взвилась в воздух, словно сорванная пружина.

— Я все продумала! А ты постоянно мешаешь. Думаешь, я совсем дура?! Отстань от меня!

Мама тоже подскочила:

— Не смей! Слышишь?!

Катя выплеснула накопленное раздражение:

— Ненавижу! Если бы ты знала, как я тебя ненавижу!

И тут мать отвесила ей пощечину. Еще и еще. Катя схватилась за щеку: та горела, словно от крапивы. Не сказав ни слова, она выбежала из кухни.

Глава вторая

Плацкартный билет

Весь вечер ее колотило от злости: как мама посмела поднять на нее руку?! За что? Что Катя такого сказала?! Что ненавидит? Так понятно же, что случайно вырвалось. Просто не выдержала. Вечно придумаешь что-то классное, а мама все испортит. Но ничего, мать еще пожалеет. Ей придется долго вину заглаживать. Катя сидела в обнимку с подушкой. Слезы застряли, не в силах прорваться. Она с хрипом дышала, подавившись рыданиями, не хватало воздуха. Уснула далеко за полночь, пообещав себе, что не простит мать никогда.

Утром Катя проспала школу – мама не разбудила. В недоумении вышла из комнаты, но оказалось, мать уже ушла на работу. Ни записки, ни приготовленного завтрака – ничего. Неужели обиделась? Не может быть! Это ей, Кате, следует обижаться. Ударили ее ни за что ни про что. Она наспех выпила чай с бутербродом и побежала на уроки, как раз успела к третьему. Вернувшись домой, дернулась позвонить: у них с матерью была договоренность. Но раз они поссорились... Пусть поволнуется, все ли с ее доченькой в порядке. Глядишь, к вечеру сговорчивей будет. Но вечером мама, как ни в чем не бывало, прошла на кухню и приготовила еду. Для себя одной! И Катю не позвала. Делать нечего, пришлось проявлять инициативу.

– Я, вообще-то, есть хочу, – заявила Катя.

Мама спокойно посмотрела и ответила:

– Я узнавала. Раз ты эмансипированный подросток, значит, полностью готова к взрослой жизни: зарабатывать деньги, обслуживать себя. Так что действуй. Возьми и приготовь ужин. Сама.

Приехали...

В школе была тоска. Учителя, как под копирку, только и говорили, что об экзаменах. Что камеры в кабинетах поставят, что дежурить будут чужие преподаватели. Не спишешь, и не подскажет никто. Ага, так им и поверили. Учителям надо, чтобы класс экзамены сдал, вот пусть и выкручиваются, как хотят. Хотя иногда и Катя чувствовала нарастающее беспокойство: куда потом со справкой из школы? Но Светка успокоила: в крайнем случае можно на второй год в девятом остаться. Ничего страшного. Да и нечего об этом думать – скоро районные соревнования по баскетболу.

Несмотря на низкий рост, Катя давно занималась в школьной секции и была лучшей из нападающих. В спортивном зале она преображалась, словно скидывала маскировочный халат. Становилась напористой, активной и смелой – здесь вылезала ее настоящая суть. Даже Танька по прозвищу Скала ничего не могла поделать: Катя ныряла, перехватывала мяч и уходила от рук соперницы, похожих на ветви. А затем отправляла мяч в кольцо. Оранжевый шар слушался, точно она держала его на резинке. Обмануть опекуна, взять пас, бросить с центра поля точно в кольцо – три раза в неделю Катя была звездой. Жаль, что только школьной команды. Тренер доходчиво объяснил, что не с ее ростом мечтать о большем. Против двухметровых соперниц она, пигалица, ничего не стоит. Катю просто раздавят на

поле и не заметят. Эх...

Прошло несколько дней. Мама так и молчала: ни здравствуйте, ни до свидания. Катя ощутила беспокойство: а вдруг мама не остынет? Так и будет относиться к ней, как к соседке? А ведь скоро экзамены, выпускной вечер, и стоит подумать, что дальше. Мысли снова сбились на окончание девятого класса. Лучше бы засесть дома, но мать станет брюзжать, что надо получить профессию. Значит, колледж... В городе был только один, педагогический. После него и воспитателем в детский сад не устроишься – мест рабочих мало, мама как-то говорила. Значит, надо ехать в областной центр. Но не поедет же она одна! Дома так неуютно, она уже несколько раз пожалела о своей несдержанности. И как к маме подойти, не знает. И как быть с Вадиком? Тот несколько раз интересовался, приезжать ли. Катя пока тянет время, но нужно решать: да или нет. Что же делать? Катю осенило: надо сбежать из дома! Точно! Мать переполошится, поищет, поспихует, а когда доченька отыщется, сразу же на радостях простит и согласится на все. Осталось только все тщательно продумать.

У Светки родители как раз махнули во Вьетнам, можно спрятаться на несколько дней у нее. Подружка не выдаст, прикинется, что не в курсе. Она подошла к Светке на перемене и завела разговор. Та сразу же откликнулась:

– Здорово, Кэт! Сама придумала?

Катя самодовольно кивнула.

– Прикольно! Надо будет и мне на вооружение взять, если предки заартачатся. А твоя мать у меня искать не станет?

Катя замотала головой: она все продумала. Купит билет до какой-нибудь станции, дома записку оставит, пустит по ложному следу. Светка дала «добро».

Сразу же после школы Катя поехала на вокзал. В маршрутке работало радио: «В Темногорье отмечают необычно раннее цветение каштанов в этом году. Весь город утопает в белоснежных свечах...» Катя заинтересовалась: она никогда не видела цветущих каштанов. В их городке только тополей полно, а от них лишь пух, ничего красивого. Катя добралась до вокзала и пошла к кассам. Судя по расписанию, поезда в городке останавливались редко. Елки, надо было дома в Интернете посмотреть направление и стоимость билетов – ее личная копилка изрядно похудела за последние дни.

– Девочка, тебе чего? – окликнула кассирша.

В голове всплыло название города – Темногорье. Классно было бы смотаться туда и посмотреть на цветущие деревья. Правда, ехать она никуда не собирается, но вдруг...

– До Темногорья билеты есть? – спросила Катя.

Кассирша посмотрела на монитор и ответила:

– На завтра, один плацкартный билет.

По деньгам хватало купить и туда, и обратно. Но обратный Катя не собиралась брать, ведь это для отвода глаз. Она протянула паспорт и деньги и купила билет.

На следующий день после уроков она подошла к Светке:

– Ну, пошли?

Та удивленно уставилась на нее:

– Ой, Кэт, я совсем забыла – ко мне же сейчас Ирка со Скалой собираются. Мы еще

неделю назад договорились.

– А я как же? – Катя растерялась.

– Давай завтра. Предки еще только через три дня возвращаются, успеешь.

И Светка унеслась.

Катя задумалась: что же делать? До завтра ждать нельзя – билет сегодняшний. Все должно быть правдоподобно. А что, если махнуть в это Темногорье? Поллюбоваться каштанами и вернуться обратно. А можно еще хитрее сделать. Посидеть на вокзале, поплакать. Наверняка полиция обратит внимание на одинокого подростка. А потом звонок мамочке: «Ваша дочь находится там-то и там-то. Приезжайте за ней, а заодно объясните, как вы довели ребенка до того, что он решил сбежать из дома». Вот-вот, пусть объяснит! А после Катя поплачет, попросит прощения, и все будет, как раньше.

Катя забежала домой, схватила паспорт, билет, нарезала бутербродов, налила воды в бутылку и поехала на вокзал. Маршрутка мелко тряслась, будто в ознобе – дороги в городе были разбиты, а Катю кидало в жар: она решилась! Будет, чем козырять в школе перед одноклассниками. Мама вечно ворчит, что Катя не умеет дружить. А теперь все с ней френдиться захотят, и стараться не надо. Катя прошлась по платформе: вроде, отсюда. Она еще раз сверилась со световым табло: да, первая платформа. А как же узнать, какой вагон ее? Сердце от волнения забилося сильнее. Но вскоре появился поезд. Он с грохотом остановился возле перрона.

«Пятый вагон, а у меня – седьмой. Значит, через один. Черт, в другую сторону!» – мысли билась в голове, как бабочка об стекло.

Катя протянула билет проводнице и зашла в поезд.

В ее отделении находилась семья: мама, ребенок и бабушка. Напротив – парень с девушкой. Катя устроилась на нижней полке. Поезд качнулся и помчался прочь от родного города.

«Представляю, как Светка удивится, когда завтра не приду в школу, – подумала она. – Плохо, что не сказала, куда я билет купила. Ой, и маме записку забыла оставить!»

Ее пробил холодный пот. Но она успокоила себя: зато как будто по-настоящему.

Вечером Катя не могла уснуть. Она ворочалась и представляла: вот мать возвращается, дочери нет. Сначала мать не волнуется: где-то гуляет. Затем ее охватывает беспокойство. Она старается выдержать характер, но не получается. Набирает Катин номер, но та вне зоны доступа – мобильник отключила, как только приехала на вокзал. Звонит Светке, другим одноклассникам. Никто не в курсе. Мама выбегает во двор: вдруг Катя там? Но и во дворе ее нет. И за полночь мать сдается и сообщает в полицию: пропала дочь. Катя ощутила смутную вину, но отмахнулась: мама сама виновата. Нечего было доводить до этого.

Рано утром проводница разбудила:

– Через двадцать минут прибываем.

Катя умылась, взяла сумку и вышла в тамбур. Поезд мчался, рассекая туман. Белесая дымка укутывала железнодорожный путь, скрывая все, что происходило вокруг. Лишь изредка мелькали смутные тени. Но, как ни щурилась Катя, разглядеть что-либо не

получалось. Наконец, состав лязгнул и остановился. Проводница открыла дверь и помогла Кате спуститься. Локомотив зашипел и тронулся дальше. Катя осталась одна. В густом тумане пришлось идти наугад. Катя медленно брела: платформа была настолько разрушена, что из бетона торчала арматура. Немудрено споткнуться и упасть, не хватало еще колени разбить.

Она дошла до края перрона. Платформа резко кончалась, словно ее обрубили топором. Катя растерялась: может, надо спрыгнуть и перейти через рельсы? Нет, должен быть нормальный проход. Она развернулась и побрела в противоположную сторону. Вскоре добралась до перехода и стала подниматься по железной лестнице. Ступени состояли из толстых прутьев, покрытых ржавчиной. Перила пугали хлипкостью, поэтому девушка держалась от них подальше. Кате казалось, что она плывет в молоке – туман никак не хотел рассеиваться. Медленно, но все же она спустилась к вокзалу. Это было одноэтажное здание с облупившейся штукатуркой и темными от грязи окнами. Поколебавшись, Катя толкнула дверь – не стоять же на улице. Внутри никого не оказалось, окошко билетной кассы было закрыто. Рядом висела табличка: «Время работы с 9.00 до 18.00, перерыв на обед с 13.00 до 14.00». Катя села на скамейку и принялась ждать. А что еще делать? Вскоре она задремала.

Глава третья

Бегунок

У слова «бегунок» в Интернете отыщется куча определений: это и часть застежки молнии, и обходной лист при увольнении, и вид муравья, и даже какая-то птица. Но про себя Игорь точно знал: бегунок – это он. Каждую весну он чувствовал неумолимый зуд в ногах, из дома тянуло со страшной силой. Небо, избавившееся от зимней пыли, звало: в дорогу! Солнце, отразившееся в мать-и-мачехе, требовало: в путь! Воркующие голуби, повеселевшие воробьи, кошачье оживление на крышах – все твердило: жизнь проносится мимо. Надо выдвигаться. Из школы, из дома, из города, только не сидеть на одном месте. Этого он не вынесет.

В первый раз Игорек сбежал в шесть лет – из детского сада. Дождался, когда воспитатели на прогулке заболтаются, спрятался за веранду, оттуда – кустами к калитке. На замок ее не запирали. Потом начнут закрывать, после этой истории, но в тот момент Игорек толкнул дверь и вышел. И отправился вдоль дороги. Мимо родного дома, минуя микрорайон, к дальним пятиэтажкам, нависшим над рекой. Игорек обошел их и спустился по крутому склону. Берег зарос побегами ольхи и орешника. На березах проклевывались почки, без умолку трещали птицы, всходила первая трава. Мальчик сел на землю и уставился на темную воду. По ней неспешно проплывали ветки и прошлогодние листья. И Игорек хотел пойти вслед за рекой, но было тяжело пробираться через кустарник, поэтому вечером он вернулся домой. Ничего, в следующий раз получше придумает, куда направиться.

Дома никто не ждал: родители метались по городу в поисках сына. Пронырливые старушки перехватили Игорька у подъезда. Дальше последовали долгие расспросы: «Где был? Что делал?» – пока одна из соседок бегала за родителями. Игорек пожимал плечами. Потом мама допытывалась, почему он ушел, но Игорек молчал. Да и как объяснить? Не может он выразить это словами. Паутину несет ветер – надо скорее за ней, проплывают облака – хочется поймать их в наволочку и лететь вслед. Игорек сам толком не понимал, что толкнуло его уйти в тот первый по-весеннему теплый день. Но через два года покинул город снова.

Все повторилось. Их второй «А» гулял на продленке. Игорек спрятался в домике на детской площадке, а дальше по накатанной: в кусты, растущие вдоль забора, и за калитку. Но в этот раз он отправился не к реке, а к автостанции. Купил в кассе билет, залез в первый отходивший от остановки автобус и сел рядом с незнакомым мужчиной. Тот покосился на мальчика, но промолчал. Мало ли самостоятельных ребят, которые сами добираются из города до деревенского дома. Кондукторша же решила, что Игорек с отцом возвращается. А что сам билет протянул – так независимым хочет казаться. Но ни в одной деревне Игорек не вышел. Что там делать? Ждать следующий рейсовый автобус? Он доехал до конечной и высадился в огромном областном центре.

Центр поражал размерами. Раз в пять больше родного городка. Крупный, шумный, суебивый. Игорек весь день катался на автобусах и даже трамваях. Облазил дворы, походил

по магазинам. Там и засветился. Очень хотелось есть, а еще больше – пить. Осторожно, чтобы никто не заметил, взял маленькую бутылку с водой и шоколадку. Засунул под куртку и отправился к выходу. Тут его и остановил охранник. Оказалось, что в супермаркете установлена система наблюдения. Вызвали полицейских, те сообщили родителям, и ночью Игорька доставили домой. В квартире пахло лекарствами. Отец порывался дать ремня, но мама схватила сына и так прижала, что Игорек едва не задохнулся. Его снова спрашивали: почему, зачем? А что он мог рассказать про неясный зов, который ощутил? Про томление в груди, дрожь в ногах, сны о дороге? Это как дышать – так же необходимо.

Водили к психологу. Или психотерапевту. Игорь запутался в названиях специалистов. Хорошо, что не к психиатру. Он же не псих! Тот долго беседовал с ним, разговаривал с родителями, но ничем не помог. Как ни караулили предки, в десять лет побег повторился. Отыскивали его только через неделю. В тот раз Игорь подготовился лучше. Заранее разработал маршрут, запасся деньгами и продукты не забыл. Ночевал в подъездах – на площадке, ведущей на чердак. Один раз залез на заброшенный склад. Замок ерундовым оказался, а он до этого год учился открывать замки шпилькой, все ссылки в Интернете изучил. А поймала его тетка. Обычная тетка с бородавкой на носу. Узнала в пацане разыскиваемого мальчика. Схватила за руку со всей силы, так что вырваться Игорек не смог. Наверное, думала, что ей вознаграждение за его поимку дадут. Наивная.

Дома отец тряс его, как перезревшую грушу.

– Хоть бы мать пожалел! – орал он.

Игорек молчал. А что тут ответишь? Если люди не понимают, что ему, Игорьку, плохо без дороги. Они же его не жалеют, когда водят за ручку, будто маленького. Когда телефон просматривают, с учителем и одноклассниками беседуют: не говорил ли Игорек, что хочет куда-то сорваться? Он весь год с родителями, терпит, не дает зову укрепиться в груди, заполнить сердце. А весной не может. Прошлую весну пропустил, потому что свалился с гриппом. Температура за тридцать девять, кидало то в жар, то в холод. С постели подняться не мог – голова кружилась. А в этом году сорвался, как только ручьи потекли. Родители подготовиться не успели.

В четырнадцать Игорь был опытным бегунком. С маршрутами стало легче. Заранее в Интернете Игорь пробивал, где и на сколько можно остановиться. Благо желающих предоставить жилье – пруд пруди. Главное, историю пожалостнее придумать: про злую мачеху или сурового отчима, детский дом, где царствует злыдня-директорша. Мол, издеваются над ним, как хотят. А до доброй бабушки-тетки-старшей сестры надо как-то добраться, чтобы в пути не перехватили плохие люди. Пара пустяков – такое насочинять. В Интернет для этих целей Игорь выходил не с домашнего компа или планшета, а со смартфона. Подобрал его во дворе, кто-то потерял. Старую симку выбросил, а новую купил у уличного торговца. Даже в их городишко добрались эти смуглые люди, приехавшие на заработки. Им лишь бы продать, уж не до законности.

Симка была оформлена на вымышленного человека, так что отыскать по ней Игоря не могли. Вот только родители, наученные прежним опытом, следили. Отвозили в школу, забирали из школы. Предупредили охранников, переговорили с учителями, соседями. В доме

воцарилось нервное ожидание, напряженность. Мать всматривалась в него, стараясь обнаружить признаки зуда, умоляла не валять дурака, даже плакала. Отец грозился ноги повыдирать и чип под кожу вшить. А потом сдались, поняли, что смысла нет. Можно подумать, он не сможет сбежать. На каждую дверь замок не повесишь. Да и на запор отмычка найдется – недавно целый комплект приобрел. А пока затаился. Все готово для похода, надо лишь выждать.

Отец недавно разговаривал с ним серьезно. Мол, мать беременна, ей волноваться нельзя. Игорь кивал, а про себя радовался: наконец-то от него отстанут. Родится ребенок, вроде девочку УЗИ показало, им не до сына будет. Но посулил, что матери беспокоиться не придется. Игорь знал, что выполнит обещание, ведь роды уже в апреле. А там не до него будет, пусть дочерью занимаются. Словно можно легко заменить одного ребенка другим. А пока бегал по утрам и вечерам в сквере недалеко от дома. Наушники в уши, музыку на всю громкость – и по дорожкам, наматывая минуту за минутой. Обязательная передышка возле детской площадки, где установили турник. И подтягивания, раз десять. Ни один из одноклассников так не может. Суррогат, конечно, но пока можно погасить жажду странствий. Хотя однажды утром чуть не ушел. Очнулся, когда направлялся по центральной улице к объездной дороге. Резко встал, в глазах потемнело, из носа потекла кровь.

В школе Максим, одноклассник, подколот на днях: «От себя не убежишь, Бегун». Ха-ха, очень остроумно. Зато девчонки пялятся с повышенным любопытством: дернется он в этом году или останется? Одна даже подкатила: мол, возьми с собой. А то здесь все надоело, а хочется путешествий и приключений. Дура! И дня не пройдет, как начнет ныть и страдать, что устала. Пообещал ей фотографии присылать из путешествия.

«А писать будешь?»

Господи! До чего же все девчонки глупые! Только о любви и думают. Хотя за любовью не к нему. Им красавчиков подавай, а Игоря в рост хорошо вытянули, а вширь забыли. Ноги-руки длинные, мешаются, лицо узкое, подбородок острый. Циркуль, а не парень.

Как бы еще немного продержаться? Найти бы чемодан с деньгами и отсыпать всем. Родителям, учителям – чтобы отстали. И жить, как хочется, а не как надо.

...Роды начались около полуночи. Игорь лежал на диване и всматривался в щель под дверь. В коридоре загорелась лампочка, дверь родительской спальни несколько раз хлопнула. Послышались суетливые шаги и приглушенный разговор.

– Воды отходят, – сказала мама. – Надо в роддом ехать.

– А как же он? – видно, отец спросил про Игоря.

Мама охнула, точно от боли, и ответила:

– Отвезешь, и сразу обратно.

Значит, времени у него немного.

Дверь скрипнула, и в комнату Игоря вошла мама. Она погладила его по голове и аккуратно, чтобы не разбудить, поцеловала в щеку. Игорь не шевельнулся. Но, как только за родителями закрылась входная дверь, вскочил. Включил смартфон и нашел в Интернете нужную группу. Пробежался по адресам, отметил для себя несколько. Затем проверил наличие билетов в кассе. Как раз один имелся в нужном направлении. Также через Интернет

забронировал его и расплатился, благо наизусть знал реквизиты отцовской карточки. Тем более что на телефон эсэмэска о списании денег не придет – Игорь снял привязку карточки к мобильнику отца. И заранее переписал одноразовые пароли. Сфотографировал электронный билет на смартфон и принялся одеваться.

Рюкзак со всем необходимым был приготовлен давно: набор отмычек, спички, прочная веревка, небольшая аптечка, складной нож и запас одежды. Несколько шоколадок, печенье, чипсы и бутылка с водой. И еще по мелочи. На первое время хватит. Все остальное купит – знает, где родители хранят деньги. Он взял несколько бумажек и отправился на вокзал. Но перед этим скатал покрывало и положил на диван, накрыв одеялом. Пусть отец думает, что Игорь дома, тогда до утра будет запас времени. Хотя, пока узнают о списании денег, пока отследят, куда Игорь приобрел билет – несколько дней пройдет. Тем более он не до конечной едет, как значится на купленном билете, а раньше выйдет – в Темногорье. Там у какого-то парня, чуть старше его, хата несколько дней будет свободна. А потом дальше двинет, на автобусах или попутках. Опыт есть.

Он нацепил наушники, закинул рюкзак за спину и побежал – до вокзала час добираться. Ночью автобусы не ходят, а частника не вызовешь – ребенка одного не повезут. Да и светиться не хочется. Если кто из знакомых в такси подрабатывает, сразу заложат. Игорь мерно бежал по ночным улицам, стараясь, чтобы дыхание не сбилось. Мимо школы, мимо детского сада, мимо маминой работы, мимо поликлиники – из города. Фонари светили тусклыми кляксами, выхватывая из темноты деревья и черные проемы подъездов. Разбитый асфальт пытался подставить подножку, деревья растопырились, точно охранники в магазине, но Игорь ничего не замечал. Скорее прочь отсюда, как можно дальше.

На вокзале распечатал билет через терминал: очень удобно, и маячить перед кассиром не надо. В здании оставаться не стал, на всякий случай. Встал недалеко от платформы и вытащил из рюкзака теплую куртку – ночи прохладные, а поезд только через час. Он ждал и не верил: вдруг отец обнаружит, что сын сбежал? Тогда поднимет всех на уши – успел за эти годы обрасти связями. Первым делом на вокзалах станут искать. Но Игорю повезло. Состав пришел ровно по расписанию, заспанная проводница мельком посмотрела билет и паспорт и выпустила в вагон. Получилось! Постельное белье уже лежало на верхней полке, соседи по купе спали. Игорь залез на свое место и тоже уснул.

...Будильник на смартфоне завибрировал за пятнадцать минут до нужной станции. Игорь сходил в туалет, приготовил рюкзак и вышел в тамбур. Состав с лязгом остановился, а проводница так и не появилась. Зачем? Ведь, по ее мнению, здесь никто не сходил. Игорь отмычкой открыл дверь и спрыгнул на платформу. Светало, но вокруг стоял плотный туман, точно садовую побелку пролили. При такой видимости искать в незнакомом городе нужную улицу смысла нет – потеряешься. Он поколебался и вошел в здание вокзала. Там дремала какая-то девчонка, больше никого. Обшарпанные стены, изрисованные художником-недоучкой, открытые дверцы камер хранения, сломанные стулья. Ну и глушь... Игорь сел на целый стул, включил плеер и незаметно для себя вырубился.

Глава четвертая

Хранитель пути

Катя проснулась, потому что замерзла, и хотелось в туалет. Сначала она не сообразила, где находится: странное помещение, залитое тусклым светом. Зарешеченные окна, облупившаяся штукатурка. Катя в растерянности посмотрела по сторонам. Точно, вокзал! И как же здесь пусто. Пока она спала, появился только какой-то парень, больше никого. Ох... И зачем она уехала из дома? Вот дура! Вчера еще все казалось таким простым, а теперь... Мама наверняка поставила всех на уши, бегала по городу, искала ее, Катю. И сейчас, наверное, не спит. Может, позвонить? Но что сказать? Что?! Что сбежала из дома, чтобы проучить? А проучила, похоже, себя. Мама с ней и разговаривать не захочет после этого. Катя достала телефон из сумки, набираясь решимости, и включила. Но Сети не было. Катя несколько раз потыкала в кнопки мобильного, перезагрузила – безрезультатно.

Она еще раз взглянула на парня. Видно, что моложе ее – лицо, скорее подростка, чем юноши, не загрубело. Хотя длиннющий, вон, как ноги протянул, – на ползала. С таким ростом легко в баскетбол играть. Катя вздохнула – зря она придумала все это. Теперь вот мерзнет в тонкой курточке, и в туалет надо, терпеть сил нет. Где же его найти? Она поискала указатель на стене. Так и есть: табличка показывала, что нужно выйти на платформу и затем – налево. Катя вылезла на улицу, зябко поежилась и в рассеивающемся тумане побрела к туалетам. Те оказались в конце платформы в крошечном здании, на удивление приличные и чистые. Минут через десять Катя отправилась назад. Она уже почти добралась до здания, как справа что-то заворочалось и застонало. Катя дернулась в сторону и заорала.

...Кто-то визжал. Игорь открыл глаза: в окне забрезжил рассвет, а в зале ожидания никого не было. Даже девчонка исчезла. Может, это она и кричала? Но уж нет, узнавать, что произошло, Игорь не станет – не дурак. Ему надо поскорее отсюда сматываться, пока народ не набежал. Тут же наверняка есть дежурный по вокзалу и патруль. Он толкнул дверь и замер: ни черта не видно! Какой плотный, неестественный туман, даже руку протянуть страшно. Вдруг там притаилось какое-то чудовище? Того гляди, выпрыгнет и сожрет. Игорь захлопнул дверь. Хотя, если туман, понятно, почему в здании никого нет. На ощупь по улицам не походишь, и транспорт наверняка не работает. Но приезжающие? Их же тоже нет. Распахнулась противоположная дверь, и в зал влетела девчонка.

– Слушай, – обратилась она, – посмотри, пожалуйста. Там человеку, кажется, плохо. Игорь пожал плечами: он что, похож на супермена?

– Я здесь при чем? Пусть дежурные разбираются.

– Нет никого, – девчонка мотнула головой.

– «Скорую» вызови, – отнекивался Игорь.

– Не работает телефон, Сеть не ловится, – ответила она и зло уставилась на Игоря.

Тот психанул: вот тоже мать Тереза нашлась! А ведь и не скажешь по ней. Мелкая, невзрачная, а туда же – спасать человечество.

– А тебе больше всех надо? – огрызнулся Игорь, но все же отправился следом.

Человек лежал возле стены здания. Мужчина, не старый вроде, заросший щетиной, но в целом на бомжа не похож. Волосы отросшие, темно-русые. Точнее, когда-то были темными, как стог сена, который всю зиму простоял в поле. Игорь однажды ночевал в таком. А сейчас их словно припорошило снегом – из-за седины. Лоб прорезали две глубокие продольные морщины. Игорь прикинул: одежда не новая, но в хорошем состоянии – в таком прикиде никто сейчас в поход не ходит. Все покупают модные бренды, чтобы покрасоваться друг перед другом и фото в Сеть выложить. А что мужик собрался именно в поход или дальнюю поездку, сомнений не оставалось: высокие ботинки, плотные брюки с карманами даже на коленях и куртка цвета хаки. Такие куртки можно купить на любом рынке, их не рекламируют в Интернете и по телевизору, но именно в подобных и ходят бывалые путешественники. Рядом лежал рюкзак болотного цвета. Мужик то ли стонал, то ли плакал. Видимо, отравился паленой водкой – его вырвало. А может, просто перепил.

– Он же пьяный, – заметил Игорь.

– Да? – удивилась девчонка. – А я думала...

И замолчала. Такой как раз лучше жевать, чем говорить. За умную сойдет.

Игорь присел рядом с незнакомцем и окликнул:

– Вы меня слышите?

Тот поводил головой, будто слепой, стараясь отыскать, откуда идет звук, открыл глаза. И Игорь поразился, встретив мудрый взгляд незнакомца. Уставший, но такой понимающий, будто тот полжизни провел в Тибете у монахов и постиг тайны Вселенной. Затем мужик часто заморгал, и странное ощущение ушло. Глаза как глаза, в красных прожилках и опухшие. Мужик сел и огляделся.

– Где я? – прохрипел он.

Девчонка тут же услужливо подсказала:

– Темногорье. Это станция так называется.

Незнакомец захлопал по карманам, видимо, в поисках сигарет, не нашел и спросил:

– А как я здесь оказался?

Игорь пожал плечами – им-то откуда это знать? Тот снова зашарил по карманам, наконец, что-то отыскал и вытащил. Это оказался билет. Мужик медленно прочитал его, потер лоб, но бесполезно.

– Ничего не помню, – сознался он.

Встал и полез в рюкзак. Девчонка что-то сообразила:

– Вам сигареты нужны?

Достала из сумочки свои, тонкие, дамские. Игорь скривился: сам не дымил и не уважал курильщиков. Считал слабаками. Но незнакомец замотал головой:

– Не курю.

И вытащил из рюкзака фляжку. Жадно припал к ней, видимо, сушняк замучил. Игорь потоптался и направился в здание. А что тут еще делать? И в этот момент туман совсем рассеялся, и стали видны старые, поржавевшие от времени рельсы, разбитые платформы и оборванные провода. Игорь почувствовал, как раскрылся и не хочет закрываться рот, как вытянулось лицо. Как же он приехал сюда? Как? Ведь видно, что здесь тысячу лет не ходили поезда. Вот потому никого и не было на вокзале всю ночь, кроме них троих. И глядя на Игоря, остальные тоже повернулись к путям и замерли в изумлении. Мужик даже фляжку

уронил. Ведь понятно, что какая-то чертовщина происходит.

Они в растерянности переглянулись, первым заговорил мужик:

– Ребята, а вы из этого города?

Видимо, решил, что его инопланетяне сюда доставили – все забыл. А у девчонки глаза сразу поплыли, губа затряслась:

– Я на поезде приехала.

– Я тоже, – Игорь поддержал разговор.

Незнакомец взглянул на билет:

– Похоже, и я. Странно.

Странно – не то слово. Может, над ними эксперимент поставили по изменению сознания? Распылили наркотики какие-нибудь, вот им и мерещится всякая чушь? Но кому это надо?

Мужчина прошел в здание, а они за ним. Сейчас стало заметно, что вокзал заброшен. Ранним утром он еще притворялся старым, но благополучным, а теперь видна разруха: облупившийся потолок в паутине трещин, стены в щербинах, словно от ударов злых кулаков. Будто незачем больше притворяться и можно сорвать маску. Игорь толкнул дверь, ведущую в город. За ней разлилось белое ничто. И выходить туда не хотелось даже за деньги. Лучше отсидеться здесь, переждать, чем соваться в опасность. А что там не маленький уютный город, Игорь готов был об заклад биться. Другие, похоже, считали так же. Никто не дернулся, чтобы высунуться. Но Игорь на всякий случай подобрал кусок штукатурки и бросил в мутную завесу. На той стороне чмокнуло смачно, и больше ничего, никакого звука. Просто засосало.

Мужик предложил:

– Может, выйдем обратно на перрон, подальше отсюда?

Они снова отправились на платформу, словно там что-то могло измениться. Стояла тишина, настолько плотная, что хотелось заорать, чтобы убрать ощущение ваты в ушах. Даже ветра не было. Будто это место вырвали из прочего мира, отменили и вынесли за скобки Вселенной. Его нет, и если остаться здесь, то исчезнут скоро и незнакомый мужчина, и Игорь, и Катя. И тут раздался громкий стук, все обернулись. Позади них возникла будка. Вот только что ее не было и в помине, а теперь она прилепилась к зданию вокзала, точно корни пустила. Деревянная, выкрашенная в светло-серый цвет, с небольшим окном посередине. Сверху – надпись: «Хранитель пути». Окошко было открыто, и они подошли.

В будке сидел старик. Точнее, он выглядел стариком, но Кате мнилось, что это мираж, отвод глаз. Короткий ежик белых волос, коричневая от солнца кожа и едва заметный шрам на щеке – словно в молодости старик пиратствовал на морях где-нибудь в районе Бермудского треугольника или брал в плен космические звездолеты. Его чуждость бросалась в глаза, словно клеймо, – я иной, я не тот, кем вы меня видите. Глаза казались провалами – будто две черные дыры смотрели на нее, засасывая, поглощая, стирая из этого сейчас и здесь. Ни за что на свете Катя не желала бы встретиться с этим «милым» дедушкой один на один.

– Ваши билеты, – небрежно бросил Хранитель.

Все полезли в карманы, не задавая вопросов. Да и в голову прийти не могло, что можно поинтересоваться чем-либо.

Он проверил билеты:

– Конечный пункт – Темногорье.

Игорь дернулся оспорить: у него в билете другой город, но скосил глаза и увидел, как название изменилось.

– Главное – не буква, а дух слова, – засмеялся-зашелестел Хранитель.

И у всех мурашки побежали от его смеха, и никто не мог глаз поднять. Хотелось спрятаться, раствориться, укрыться.

– Бегунок, манипулятор и убийца, – подытожил Хранитель, – троица в сборе.

Снова возникли вопросы: что за троица, какие сборы? И кто убийца? И вновь никто не отважился озвучить их, даже Игорь, растерявший всю свою дерзость. Лишь девчонка испуганно посмотрела сначала на него, а потом – на незнакомца. Да и Игорь подобрался – с убийцей надо быть настороже. Ведь не девчонку же имел в виду Хранитель пути. Понятно, что речь о мужчине. Хотя...

Хранитель выдержал паузу, как в лучших театрах. Долгую, глухую, давящую, от которой зарыться бы поглубже. И добавил:

– Чтобы вернуться домой, вам придется пройти один из трех путей: темный, серый или светлый. Уж какая перед вами откроется дверь. Выбирать не вам.

Они молчали. Хранитель продолжал:

– Обратно можно возвратиться только втроем. Если кто отстанет по дороге или умрет, остальные тоже застрянут на пути. И еще: держитесь радуги. Дверь домой найдете возле ее начала.

– А если мы не хотим никуда отсюда уходить? – мужчине все же удалось выдавить из себя фразу.

И Хранителя как подменили: исчезла отчужденность, эти врата в далекие миры. Перед ними в разваливающейся будке сидел сумасшедший. Его глаза бегали от одного к другому, в руке появился огромный тесак.

– Чтобы здесь остаться, надо принести жертву, а иначе никак! – закричал бывший Хранитель. – Убить своих спутников и меня. Полить кровушкой пути, чтоб пропитались. Только не получится, мил человек.

И он задвигал в воздухе ножом, точно в танце с саблями. А потом выскочил из будки и, взмахивая руками, как крыльями, убежал прочь. А они остались.

Будка рухнула, как будто держалась лишь на костлявых плечах старика. А когда осела пыль, Игорь и остальные увидели три двери. Те находились в конце платформы, висели прямо в воздухе. Ближайшая была ослепительно-белого цвета, вторая – серая, как асфальт. Никаких рисунков или букв, простые строгие прямоугольники. Третья поглощала свет и потому казалась черной. Но это, скорее, был антицвет, а не привычная темнота. Она пугала и манила одновременно.

– Идем? – полуутвердительно спросил мужчина.

Если он – убийца (ну, не девчонка же), надо держаться от него подальше, но и здесь оставаться нельзя.

– А выбор есть? – сплюнул под ноги Игорь.

Он не мог оторвать взгляд от бурых пятен на рельсах.

«Значит, кровь, а не ржавчина, – думал он. – Вот как. И остаться нельзя. Потому, что

этого места...»

Он замер, не в силах поверить: «...не существует».

Они выпали из своего мира, сбились с пути. И, чтобы вернуться, надо пройти через дверь. Какую?

Белая дверь не открылась, не поддалась и серая. Они замерли перед последней. На мгновение Игорь испугался: вдруг и эта не отворится? И тогда придут страшные существа, зубастые монстры из фильма ужасов – лангольеры, вроде бы. И сожрут их вместе с вокзалом, утилизируют, как... Он снова мысленно запнулся. Как... Как коты-утилизаторы! От мысли о котиках стало веселее, и Игорь протянул руку. Но дверь сама распахнулась, и перед ними возник яркий свет, который раздробился на миллионы светящихся точек. Те вспыхнули, каждая становясь сверхновой звездой, а затем перед путниками появились цветущие каштаны.

Глава пятая

Темногорье

Когда-то городок был уютным. На это намекали невысокие двух- и трехэтажные дома, которые лепились друг к другу вдоль мостовой. Только крыши в большинстве домов провалились, а выбитые окна зияли, как прорехи на штанах. Городок был заброшен, и давно. Вовсю зеленела трава, среди которой солнечными шарами рассыпались одуванчики. Цвела черемуха, наполняя улицы сильным, неповторимым запахом. И, конечно, росли каштаны. Их было много. Могучие стволы возвышались над улицей, словно великаны, торжественно держащие в руках белоснежные пирамиды цветов.

Вокзал потерял объемность, стал двухмерным, точно карандашный набросок на листе ватмана. Вернуться обратно – невозможно. Мужчина, неизвестно откуда взявшийся на вокзале, вертел головой, не понимая, что делать. Идти? Но куда и зачем? Сумасшедший старик почти ничего не сказал. Что-то про радугу и что вернуться они могут лишь вместе. Послышался всхлип – плакала девочка. Слезы по щекам текли непрерывно, но она даже не пыталась их вытереть. Парень стоял немного поодаль: вроде как с ними, но в то же время сам по себе. Мол, не рассчитывайте особо на меня, я с вами не навечно.

Мужчина заговорил:

– Думаю, нам надо познакомиться. Меня зовут Дмитрий Иванович, можете называть Хирургом – это прозвище, или дядей Димой, кому как удобно.

И заметил, как насторожился парень. Ведь все складывается: хирург – значит, зарезал кого-нибудь во время операции. Логично. Но парень промолчал, а девочка, похоже, растерялась. Но ответила первой:

– Я – Катя.

И вопросительно посмотрела: достаточно ли этого? Но Хирурга не тянуло на расспросы. Захочет – сама скажет. Парень представился не сразу, точно сомневаясь – а нужно ли?

– Игорь. Только не уверен, что я с вами надолго. Я – бегунок.

Хирург понимающе кивнул:

– И как часто из дома сбегаешь?

– По весне обычно. А там как получится: от пары недель и до двух месяцев. Когда ловят, когда сам возвращаюсь.

Хирург заметил:

– Привозили к нам в отделение как-то парня с пробитой головой, тоже из ваших. Помер. Думаешь, и здесь потянет в странствия?

Игорь неопределенно пожал плечами:

– Не знаю, не от меня зависит. Сейчас мы вроде и так в бега подались. А в принципе, домой хочу вернуться. Я же не бомж, чтобы всю жизнь землю топтать.

Катя всхлипнула:

– Я собиралась обратно поехать, ждала, когда касса откроется. Мы с мамой просто поссорились. Я просто не знала, что так будет.

– Что так непросто получится, – съехидничал Игорь.

– Значит, ты манипулятор, – сообразил Хирург и, заметив недоуменный взгляд Кати, пояснил: – Это человек, который старается управлять другими людьми с выгодой для себя.

– Я не управляла, – сильнее зарыдала Катя. – Просто... – это слово к ней точно приклеилось.

– Просто врать надо меньше, хотя бы нам, – добавил Игорь.

– Не твоё дело! – закричала Катя. – Я, я...

Села на корточки, обняла колени руками и уткнулась в них лбом. Лишь плечи продолжали подрагивать.

Игорь оценивающе посмотрел на Хирурга и обратился к нему:

– А вы убийца, получается?

Тот дернулся, как-то погас. Вот только что стоял настороженный, но вполне уверенный в себе мужчина. И вдруг – словно десяток лет прибавился, лег на плечи невыносимой тяжестью. И Хирург сразу замкнулся, ушел в себя. Осталась лишь физическая оболочка. Он ничего не ответил. Катя почему-то успокоилась, наверное, от страха. Ведь Хранитель не обманул, один из них на самом деле – убийца. Она поднялась и спросила:

– Куда теперь? И что нам делать?

Озвучила общие мысли, только услышал их один Игорь. Отметил: не трусливая девчонка, другая бы на её месте уже удрала, только визг стоял бы.

И словно в ответ зазвучал механический голос: «Внимание! Через час будет запущена программа стирания. Просьба всем покинуть город».

Путники насторожились: какое стирание? Почему час? Первым опомнился Хирург, словно в нем включатель сработал. Только что человек отсутствовал, а теперь вернулся. Даже страшно на такое смотреть.

– Думаю, надо уходить. Срочно, – произнес он.

И быстро зашагал вниз по улице, как робот. Игорь его настиг, а Катя отстала.

– Я не могу, у меня каблуки!

Хирург резко затормозил и посмотрел на Катю, точно только сейчас разглядел.

– Как ты в этом ходишь?

На ней была тоненькая куртка, короткая юбочка и ботильоны на высоком каблуке. Катя развела руками:

– А может, здесь магазин есть?

Словно во всех полуразрушенных городах имеется куча магазинов с одеждой на выбор.

– Не до этого сейчас, пора убираться, – отмахнулся Хирург. – Но куда?

И тут Игоря осенило.

– Подождите, у меня есть адрес! Я у одного парня собирался пару дней на квартире пожить. Вдруг подсказка?

Он достал из кармана бумажку с адресом и зачитал:

– Улица Радужная, дом три. От вокзала прямо, свернуть на втором перекрестке налево. Радужная...

Они переглянулись.

– Похоже, что подсказка, – согласился Хирург, – идем.

Путники бегом пустились по улице. Та шла под гору – город располагался на холме. Вдали виднелись еще возвышенности, поросшие лесом, и оттого горы казались черными.

«Потому и название – Темногорье», – совсем некстати догадался Игорь.

Какая разница, почему город так называется. Им бы выбраться отсюда скорее.

На Радужную добрались быстро, и вот удача – в доме номер три находился магазин, состоящий из нескольких отделов. Об этом сообщала покосившаяся вывеска: «Все для жизни». Хотя здание частично разрушилось, путники вошли внутрь – небольшой запас времени у них был. Здесь царил хаос. На полу валялись вещи вперемешку с коробками и книгами. На продуктовых полках почти ничего не было – магазин разграбили до них, но в отделе с одеждой кое-что осталось. Пока Катя растерянno перебирала вещи – все мужские – Хирург отрыл джемпер и джинсы.

– Надевай, – бросил он.

Катя растерянno посмотрела на брюки:

– Велики.

– Больше – не меньше. Длину обрежем, ремень вденешь, и не спадут.

Катя побрела за шторку, чудом сохранившуюся. Брюки болтались на талии, штанины волочились по полу, но в юбке далеко не уйдешь. Она натянула джемпер – рукава свисали чуть ли не до колен.

– Готова? – окликнул Хирург.

Она вышла, недовольная – все не по размеру.

– Рукава закатай, – посоветовал Хирург, а затем складным ножом оттяпал лишнюю длину снизу.

Катя подтянула свитер и посмотрела в зеркало. То покрылось паутиной трещин, но уцелело. В отражении она увидела чучело.

– Я не буду в этом ходить! – сорвалась она. – Что за идиотизм?!

Хирург жестко ответил:

– Можешь носить, что пожелаешь, – я тебе не папа. Но если заноешь по дороге или собьешь ноги, никто с тобой нянчиться не будет. Ты девочка взрослая, решай сама.

А Игорь добавил:

– В конце крыла обувной отдел, там кроссовки валяются.

Хирург и Игорь пошли искать что-нибудь съестное, а Кате пришлось плестись за обувью. Та была свалена кучей: женские туфли, тяжелые мужские берцы, сапоги и сандалии. Катя стала по одной доставать кроссовки, стараясь найти пару своего размера.

– Поторопись, – окликнул Хирург, – времени мало. Через десять минут надо выдвигаться. И посмотри для себя белье, носки те же, средства гигиены. Пошевеливайся!

Катя снова чуть не психанула – и тут поучают, но удержалась. Еще бросят ее здесь. С трудом, но раскопала подходящую обувь, правда, правая кроссовка была на размер большей левой, но времени оставалось на самом деле мало. Об этом напомнил голос робота: «Процесс стирания начнется через сорок минут». Она влетела в отдел нижнего белья: снова только мужское! Хорошо, что нашлись семейные трусы небольших размеров. Ужас, конечно,

но не до разборчивости сейчас. Она схватила несколько пар носков и замерла: куда складывать? В ее сумочку вещи не поместятся.

Появились Хирург с Игорем, они тащили рюкзаки, набитые консервами и крупами.

– Повезло, – прокомментировал Игорь. – В подсобном помещении обнаружили.

– Сумки никакой нет? – жалобно спросила Катя.

Игорь задумался, а затем метнулся назад.

– Держи, – протянул он, вернувшись.

Сумка была наподобие школьной, с широким ремнем через плечо. Катя быстро набила ее одеждой, а ботильоны не влезли.

– Оставь здесь, – порекомендовал Хирург, – не велика потеря.

И они уже направились к выходу, когда Катя вспомнила, что нужны прокладки. Она метнулась на поиски. Аптеку нашла не сразу, та пряталась в боковом ответвлении. Полки с лекарствами зияли пустотой – кто-то до нее смел все препараты. Взяла несколько упаковок ваты, бинты и уже побежала обратно, но тут заметила на подоконнике мышку. Темно-коричневый, плюшевый, он сидел, уткнувшись носом в окно, словно кого-то ждал. Катя схватила игрушку и затолкала в сумку, та раздулась, словно змея, заглотившая добычу.

– Что там у тебя? – поинтересовался Игорь.

– Что надо, – отрезала Катя.

На улице они осмотрелись.

– Надо вниз, похоже, там граница города, – предложил Хирург. – Тем более что нумерация домов обычно возрастает от центра.

Сзади рухнуло здание. Совершенно неожиданно просело и обвалилось внутрь себя.

– Бежим! – скомандовал Хирург.

Они понеслись к подножию холма, туда, где блестела река, а сзади слышался глухой шум. Игорь обернулся: за ними падали здания, складывались, как картонные домики из детской книжки.

– Не зевайте! – крикнул Хирург. Перед ними обрушился фонарный столб.

Игорь увернулся и перепрыгнул через фонарь. Катя почти не отставала – все же не зря три раза в неделю занималась в школьной секции. Хотя куда ей за физически крепким Хирургом и поджарым Игорем? За ними не угонишься. И тут земля ушла из-под ног: под Катей провалилась мостовая. Девушка рывком ухватилась за край обрыва.

«Помогите!» – попыталась она крикнуть, но из груди вырвался глухой хрип.

Катя цеплялась из последних сил, но земля осыпалась под пальцами.

«Господи, ну почему так?»

Говорят, в последние мгновения перед смертью перед глазами проносятся вся жизнь. Ничего подобного Катя не увидела. В мозгу пульсировало лишь одно желание: спастись, остаться живой, вгрызться в землю, быть! Прямо перед ней торчал корень какого-то растения, упорно державшегося за дорогу. Катя смотрела на него и думала, что оба висят на волоске и в следующий момент их просто унесет вниз.

Хирург обернулся и заметил, что Катя пропала. Приказал Игорю не останавливаться, а сам бросился назад. Увидел широкую трещину в земле и похолодел: наверняка девочка

загрелась туда. Осторожно приблизился, заглянул и обнаружил Катю, висевшую над бездной. Та вцепилась в булыжную кладку так, что побелели костяшки пальцев. Он схватил девушку за руку и дернул со всей мочи. Часть дороги осыпалась, и Хирург с Катей чуть не свалились в пропасть. Хирург старался удержаться, но Катя тянула его за собой в пролом. Мужчина свесился уже по пояс и сам начал скользить вниз. Катина сумка, перекинута через плечо, словно якорь, тащила их в трещину. Подоспел Игорь, кинул Кате веревку, и вдвоем с Хирургом они вытянули ее. Рухнул еще один пласт земли. Путники попятились от бездны. Какое-то мгновение смотрели друг на друга дикими от пережитого страха глазами, а затем, не сговариваясь, побежали к выходу из города.

Раздался нарастающий рокот – сзади катилась волна, состоявшая из пыли вперемешку с обломками зданий, черепицы и деревьев. Казалось, еще немного, и путников накроет, завертит и развееет по ветру. Они мчались так, что не замечали ничего вокруг себя. Страх подхлестывал не хуже кнута. Не хотелось, чтобы их стерли, как неудачный набросок, вместе с городом. Но они успели. На транспаранте, натянутом над улицей, появилась надпись: «Приятного пути!» Странники поднажали из последних сил и покинули Темногорье. Уставший женский голос произнес: «Программа стирания завершена».

Раздался хлопок, темный вихрь поднялся в воздух, превращая утро в ночь. А когда опустился, на месте города возникла черная башня. Ее шпиль пронзал небо, вокруг сверкали молнии, и кружили большие серые птицы, похожие на птеродактилей. Хирург, Катя и Игорь увидели истинное лицо Темногорья.

Интерлюдия первая

Глогх

Глогх был родом из древних существ. Его предки бродили по краю, который тогда еще не назывался Темногорьем, задолго до появления двуногих. Даже покрытых шерстью в ту пору не существовало. Выжженная равнина в ярких всполохах бурлящих вулканов, вырывающийся из подогретой земли пар и багровое солнце на полнеба – таким был Скарамунт, мир Черной Луны в древности. Потом название стерлось, забылось, выцвело из памяти, оставив вместо себя красивую обертку – Темногорье.

Глогх изо дня в день проверял владения: растворялся в огненном русле, перекачивался вместе с лавой, впадая в белую, точно молоко, реку. Жидкость в русле состояла из расплавленных металлов. На какое-то время Глогх становился и рекой, с шипением струясь в волнах Омирук. Он был частицей этой земли, возникшей после взрыва далекой сверхновой. Все происходило на его глазах. Глогх помнил, как из глубокой впадины, ведущей в сердце земли, вырывались демоны – новые жители Скарамунта, дети огненной лавы и Черной Луны. Изменчивое племя, прародители Хаоса, они носились по свету, перекраивая его под себя. Древние океаны взрывались вулканами, морское дно вздымалось к небесам и становилось горной грядой. Огненные камни падали с небес, оставляя после себя глубокие впадины.

Изменения коснулись и Глогха. Со временем текучесть ожившей магмы уменьшилась, сверху появился плотный панцирь антрацитового цвета. Под ним струилась горячая лава, и панцирь иногда раскалялся, как угли в костре. Демоны частью уснули, частью покинули Скарамунт, им на смену пришли их создания – чудовища. Грифоны, химеры, василиски, горгульи и сфинксы наводнили край Черной Луны. А потом появились охотники на чудовищ – герои, давно ставшие легендой. Тогда же вулканы погрузились в дрему. Склоны поросли густым лесом, в котором поселились птицы. Затем пришли животные, а уж потом край наводнили прямоходящие, покою от них не стало. Глогха они мало волновали, он все чаще и чаще устраивался в своей пещере на отдых. И если бы какой-нибудь случайный путник забрел туда, то принял бы его за обломок скалы.

Скарамунт менялся, словно податливый пластилин в руках скульптора-времени. Становился цивилизованным, ручным. Зародились города с площадями и фонтанами, с тихими скверами, булыжными мостовыми. Кое-где даже проложили рельсы для конки. В здания протянули водопровод и канализацию – все то, что относится к прогрессу. В центре Темногорья появилась белоснежная спиральная башня – вокзал тысячи миров. Скоростные лифты, многоуровневые парковки, телепорты для vip-клиентов, позволяющие мгновенно доставить всех желающих в любой из миров. И для редких неудачников – поезда. Но таких было все меньше и меньше. И пути проржавели, поросли травой. И новое имя, как маска, спрятало истинную суть: Темногорье – заманчивая обложка глянцевого журнала. Остались кое-где островки волшебства, но в целом все стало очень современным, лишь центр по-прежнему оставался аграрным.

Глогх дремал уже несколько сот веков – последний из своего племени, пережиток первобытного мира. Но словно толчок пробудил его ото сна. Он заворчал, не желая покидать край грез, но запах, такой сильный и явственный, точно его источник находился совсем рядом, отрезвил – темный путь открылся. Глогх с трудом поднялся – конечности затекли – во весь свой огромный рост и направился к выходу. Стая летучих мышей всполошилась и в панике полетела из пещеры, будто свита, предупреждающая о приходе короля. Глогх сбил сталактиты и сталагмиты, выросшие, как прутья клетки, и выбрался наружу. Пахло смолой и первой травой, пробуждающейся жизнью, бурным соперничеством и любовью. Ароматы горячили кровь, кружили голову, но основной, от которого Глогх пробудился, звал настойчиво на поиски тех, кто отворил темный путь. Глогх поднял голову и замер в экстазе: над горизонтом вставала Черная Луна. На фоне звездного неба она казалась дырой в мирозданье. Глогх поднял голову и завыл, приветствуя повелительницу.

Глава шестая

Постоялый двор Флута

Катя вскочила, словно ее ожгли крапивой, и замерла: вдалеке слышался странный звук, нечто среднее между воем и рычанием. Так мог бы жаловаться на жизнь огромный медведь, если бы медведи были. Звук пропал и не повторялся, и Катя засомневалась: точно ли он был? Не приснился ли? Рядом тлел огонь, разведенный в большом пне; на еловых лапах, брошенных на землю, спали попутчики. Ночная мгла пугала, будила древние инстинкты. Казалось, из темноты выскочит чудище и набросится на нее. Катя съежилась и замерла: так больше шансов остаться незамеченной. Но ничего не происходило. Потрескивал огонь, сопел Игорь, раскатисто храпел Хирург. Катя пыталась задремать, но не получилось: перебила сон. Она поворочалась, укладываясь удобнее: еловые иголки кололись, но на голой земле спать холодно, поэтому и за такой настил спасибо. Открыла глаза и уставилась в небо. Вокруг сияли звезды. В школе проходили разные созвездия, но Катя не смогла бы назвать ни одно. Зачем голову ерундой засорять? Один из участков неба был темнее прочих – мгла среди тьмы. Катя так долго всматривалась в него, что он раздвоился – и перед ней появились два бездонных колодца, глаза Хранителя. Ужас пробежал холодной волной от затылка через сердце и низ живота к большим пальцам на ногах, и Катя проснулась.

Стояло раннее утро. Солнце окрасило верхушки деревьев в золотистый цвет, птицы завели мелодичные трели, догорал костер. Катя подбросила в него сухой хворост, собранный вечером, и присела рядом, чтобы согреться. Пламя жадно обхватило ветки, набивая ненасытную утробу. Девушка достала из сумки телефон и включила. Чуда не произошло – Сети не было. Весь прошлый день она пыталась дозвониться, пока Игорь не посоветовал беречь батарею. Хорошо, что душой не обозвал, хотя выражение лица у него было соответствующее. Ну да, дура... Даже если бы она дозвонилась, мама все равно бы не приехала сюда, чтобы забрать дочку. Но что-нибудь она могла бы придумать! Отправилась бы сама в Темногорье, отыскала бы Хранителя пути и потребовала вернуть Катю. Припугнула бы его, в конце концов! Катя в очередной раз пожалела, что сбежала из дома. Ну как, как ей пришла в голову эта ерунда? Откуда, из какого космоса? Как же жалко себя...

Вчера весь день шли нескончаемой дорогой. Останавливались лишь три раза на полчаса, чтобы передохнуть. А ведь она на ногах не стояла после того, как пришлось удирать из города. Думала, упадет на дорогу, и пусть, что хотят, с нею делают. Но дядя Дима поднял, встряхнул и сказал, что никаких истерик не потерпит. И лично ему обратно не надо, его там ничего хорошего не ждет. И если он вернется, то только ради нее и Игоря, а точнее, их родителей. Потому, что те не должны страдать из-за того, что у них дети дурные. И если Игорю еще можно сделать скидку на его болезнь (Катя вспомнила, как дернулся Игорь при словах о болезни), то ей, Кате, должно быть стыдно за то, что она – такая идиотка. Дядя Дима произнес все это очень тихо и по слогам, как для плохо понимающей, но у Кати возникло ощущение, что ей влепили оплеуху. В ней проснулась спортивная злость, как на баскетбольной площадке, она собралась и пошла. И за весь день ни разу не пожаловалась. И даже хворост помогала вечером собирать, хотя не обязана – она еще подросток. Только Игорь

смотрел чуть насмешливо. Ну, и плевать она хотела на сопляка. Ха, он младше ее!

Осталась только неясность насчет дяди Димы. Он сам сознался, что убийца. Значит, убил кого-то. Может, операция неудачная была? Раз Хирург – значит, врач. Он же говорил что-то про парня с проломленной башкой. Или? Дядя Дима сказал, что Хирург – прозвище. Может, его так называли, потому что ему нравится резать людей? Может, он маньяк? Нормальный, нормальный, а потом – бац, и переклинит. По дяде Диме видно, что с ним не все в порядке. Прячется внутри себя. Иногда несколько раз приходится окликать, чтобы услышал. А когда крыша съедет, достанет свой нож и начнет их с Игорем убивать. Хотя Игорь успеет убежать, он себе на уме. Но деваться им друг от друга некуда, связаны общим путем. Придется следить за попугайчиками.

Катя поворошила костер, искры взметнулись в воздух красными точками. Как там мама? Наверное, переживает. Хотя ей-то нормально, она же дома. Это Катя неизвестно где и непонятно зачем. Она вздохнула. Дядя Дима прав – она непоправимая идиотка. И зачем ей пришла в голову эта безумная идея? Из-за Вадика? Она только сейчас о нем вспомнила. Нужен он ей... Да и он, наверное, не думает о Кате. Как же хочется домой... Только сейчас Катя сообразила, как не хватает уверенности, что все будет хорошо и сегодня, и завтра. Слеза, одна за другой, быстро выкатились из глаз. Но тут к костру подсел Игорь, и она украдкой вытерла глаза – его это не касается.

– Не спится? – поинтересовался Игорь.

Катя пожала плечами: ему-то что? Для него бродяжничество – вещь привычная, не то, что для нее.

Проснулся и дядя Дима. Сначала с недоумением посмотрел на них, а потом буркнул приветствие. Долго тер лоб, затем поднялся и полез в рюкзак.

– На рыбалку пойду, – сообщил он. – Игорь, ты как?

Тот кивнул, и они пошли к берегу, а Катя осталась.

С другой стороны, повезло им, что дядя Дима с ними. Наверяд ли Катя справилась бы одна – а Игорь давно бы ее бросил. По нему видно, что он девчонок за людей не считает и что к Кате, как к обузе, относится. А дядя Дима как в поход собирался – много чего с собой набрал. И костер развел, который всю ночь тлел, и даже коробку из бересты соорудил. Проворчал, правда, что не на трезвую голову вещи укладывал. Про тот же котелок забыл. Береста, как ни странно, на огне не горела, они сварили в ней суп из зеленого горошка и тушенки. Продуктов, правда, мало, в основном крупа. Скоро придется одним горохом питаться. А еще дядя Дима воду из реки в презервативе принес! Катя не выдержала и захихикала, а Игорь снисходительно объяснил, что в походе презервативы – вещь первой необходимости, а ей поменьше о глупостях думать надо. Только бы точно знать, что убийство по неосторожности было. Но спросить страшно.

Через пару часов, когда в Катином желудке засосало от голода, вернулись рыбаки. Им удалось поймать несколько рыбешек, чуть больше ладони. Дядя Дима почистил их, посолил, а затем обмазал глиной и положил в костер, чтобы запекались. В коробке вскипела вода для чая, они позавтракали, затем дядя Дима заварил чай в термосе и потушил костер.

Катя подумала: «Ну хорошо, здесь есть река. А дальше? Где потом брать воду и еду? Как

же все надоело. Ничего еще не началось, но уже приелось».

И они снова зашагали по узкой тропе, которая когда-то была широким трактом, а теперь поросла травой. Дорога шла параллельно реке, иногда отклоняясь чуть в сторону, иногда пересекая ее, когда русло делало изгиб. Пару раз переходили по шатким деревянным мостам. Однажды Игорь чуть не загремел вниз, когда перила, за которые он держался, обвалились. Хоть и невысоко, но Катя потом шла с ощущением тяжести в животе. Ужасно.

Над дорогой нависали деревья, со временем обещавшие совсем заглушить тропу. Светлые березки, ажурные рябины, дубки и ольха разрослись во все стороны. Пару раз из кустов выскакивали пегие зайцы, не успевшие сменить белую шубку на летнюю. Игорь провожал их взглядом, полным сожаления, да и Катя не отказалась бы от зайчатины. Но ружья у них не было. Около полудня путники остановились, дядя Дима развел небольшой огонь, чтобы сварить рисовую кашу: вместо молока использовали пакеты со сгущенкой, которые нашли в магазине. Пока каша варилась, он же насобирал березового сока, а затем замазал насечки на деревьях землей. Путешественники еще пару раз останавливались для отдыха, а потом увидели большой дом. На нем виднелась надпись: «Постоялый двор Флута».

...Флут готовился ко сну. Протопил камин, проверил окна на втором этаже, спустился на первый и повторил процедуру: закрыл ставни и окна. После запер входную дверь на крепкий засов. Такую дверь можно тараном выбивать – не дрогнет. Сделана из железного дуба еще прадедом Флута. Легче дом по бревнам разобрать или взломать окна, которые помимо ставней охраняются надежным заклиниванием от воров и лихих существ. Заклинение поставил проходящий волшебник, расплатившись им за еду и ночлег. Так что дом представлял собой крепость из известной поговорки, но Флут все равно беспокоился: открылся темный путь, впервые за тысячелетия.

Торговый тракт, по которому за день проезжало не менее двадцати подвод, сузился до узкой тропы, обезлюдел. Среди разросшегося за ночь леса Флут различил пару неизвестных деревьев: с темно-стальными гладкими стволами и ярко-красной листвой. Сроду ничего подобного в лесу не росло. И неизвестно еще, чего ждать дальше. Флут мог бы поклясться, что деревья двигаются. Еще утром никаких дубков не видел, а теперь полюбуйтесь – растет напротив дома, точно лет десять назад Флут его собственными руками посадил. И луна... Прошлой ночью она посерела, точно укуталась в дым от пожара. После такого зрелища у Флута разыгралась бессонница. А ведь слушал в далеком детстве все истории об открываемых путях, как сказку. А сказка обернулась былью. И как бы кто не явился. Всем известно: по темному пути идут отверженные.

Он только собрался выпить отвар из трав, который дает глубокий и спокойный сон, как в дверь постучали. Кружка выпала из рук и со звоном покатила по полу. Сделанная из огненной глины, она не разбилась, но выдала, что дома кто-то есть. Что же делать?! По законам дорожников, Флут не мог не пустить странников, но они же пришли по темному пути! Лоб покрылся испариной, а зубы выбили нервную дробь. Как же быть? Нарушить закон или отворить? В дверь снова забарабанили, и звонкий девичий голос попросил: «Пустите нас, пожалуйста!»

И Флут дрогнул. Не то чтобы он отличался особенной жалостливостью или

состраданием, но ни один из членов гильдии не мог отказать в помощи путникам. Устав дорожников! Да и паук-секретарь, засевший в углу напротив входа, запишет, что нарушена клятва – помогать тем, кто в пути. Хотя Флут все же попытался отговориться.

Он открыл небольшое окно, сделанное в двери, и, стараясь не глядеть на пришедших, ответил:

– Я уже сплю.

Но девица продолжала:

– Нам очень надо! Мы устали и хотим есть.

Флут заметался: нет, он не может не открыть. Такой жалобный голосок. Его сердце не выдержит, если он откажет путникам в крове. Да и закон... Нельзя нарушать устав, иначе у него отберут постоянный двор, а его с позором изгонят из гильдии.

Паук-секретарь заинтересовался, подкрался к краю паутины, уставился на Флута восемью глазами. Шпион засланный! Флут дрожащими руками отпер дверь и приоткрыл. Сам немного отступил в сторону, чтобы в случае опасности удрать в подпол, а оттуда через потайной ход – в лес. Но ничего страшного не произошло – в помещение вошли трое людей: мужчина и подросток с девицей. По ним не скажешь, что явились по проклятому пути.

Флут изобразил на лице самую любезную улыбку, на которую был способен, и спросил:

– Чем могу быть полезен?

И тут произошло из ряда вон выходящее: девица, это молодое создание, вдруг завизжала со всей мочи:

– Черт! Черт!

И ткнула в него пальцем! Сроду никто не оскорблял Флута подобным образом. Между прочим, это ему следовало кричать: кто знает, чего от них ожидать? От подобных путников ничего хорошего не светит.

– Он не черт, – мужчина дернул девушку за плечо, и та замолчала, но не сразу.

– У него копыта!

С таким возмущением заявила, будто копыта – нечто ужасное. Флут гордился ногами, каждое утро мыл шерсть шампунем из цветов каштана. А копытца натирал воском для блеска. Ведь скоро конкурс красоты среди членов гильдии. А эта девица вопит так, точно увидела таракана на кухне или, что гораздо хуже, крысу.

Но тут подросток уцепил ее за руку, и девица умолкла. Какая красота – тишина, а то нежные ушки Флута чуть не разорвались от шума. Не привык он к таким громким постояльцам.

– Добрый вечер, – поздоровался мужчина, остальные просто кивнули.

На взгляд Флута, молодежь воспитанием не отличалась.

– Простите, не скажете: где мы и кто вы? – поинтересовался мужчина у Флута. – Мы здесь недавно и ничего не знаем.

Совсем другое дело. На вежливые речи такой же ответ, и Флут представился:

– Флут, урожденный мохноног из гильдии дорожников, хозяин лучшего в Темногорье постоянного двора. Приятно встретить учтвого человека, чтящего традиции.

И посмотрел на пришедших с превосходством: учитесь, невежи!

– Дмитрий Иванович, – ответил мужчина, – из гильдии врачей.
– Игорь, – добавил подросток после паузы, – из гильдии бегунков.
Девушка замаялась, но все же сказала:
– Катя, из гильдии школьников.
Церемонии были соблюдены.

Флут проводил постояльцев за стол и спросил:

– Что будете на ужин? Рекомендую яичницу из свежих перепелиных яиц со сморчками на сале.

Старший из путников, Дмитрий Иванович, уточнил:

– А как быть с оплатой? Не уверен, что наши деньги подойдут.

Флут махнул рукой и со значением произнес:

– Здесь постоянный двор гильдии дорожников. У нас в ходу многие валюты.

Но тут же глаза его загорелись, и он поинтересовался:

– А нет ли у вас чего-нибудь из вашего мира? Какой-нибудь особой вещишки?

Они переглянулись, а затем подросток по имени Игорь достал из кармана маленькую черную коробочку, от которой шли две нити.

– Это плеер с наушниками. Вставляете в уши, нажимаете вот эти кнопки и слушаете музыку.

У Флута аж руки затряслись от жадности: какая ценная вещь! Но неудобно обманывать путешественников из другого мира. Они же неопытные, незнающие. Нет, Флут не таков! Он не воспользуется их бедственным положением. Беднякам и так придется несладко на темном пути, это как пить дать.

Флут распрямился и торжественно сказал:

– Благодарю, Игорь. Предоставляю тебе и твоим спутникам кров и еду на постоялом дворе, а также набор в дорогу.

Он нырнул за стойку и вытащил сверток. Развернул его и достал несколько предметов, благоговейно называя каждый:

– Огонек, горит даже в мире, где нет магии.

Огонек больше всего походил на белую головку одуванчика. Сейчас он потух, но ночью светил не хуже ночника.

– Ключ от любой двери, но работает только раз, – продолжал перечислять мохноног.

Бронзовый ключ с темно-серым камнем в головке удобно лег в ладонь. Жалко, конечно, отдавать, но дорожные комплекты – не такая редкость, как вещь под названием «плеер с наушниками».

– И веревка, – Флут протянул последний предмет, – крепкая, надежная, самопривязывающаяся и отвязывающаяся. Только надо точно бросить, а потом попросить привязаться или отвязаться.

И добавил мешочек с названием гостиницы:

– А это от меня в качестве небольшого подарка. Если в него что-то спрятать, то вещь не потеряется, никто ее не украдет и даже не увидит.

Игорь из гильдии бегунков (Флут до этого дня и не подозревал о существовании такой гильдии) хотел забрать вещи, но вмешался его спутник.

— Вы нас извините, но взять не можем. У плеера скоро сядет батарея, и он перестанет работать, а зарядить его здесь нечем. Будет неравноценный обмен.

Флут растрогался: какие честные люди! Хотя насчет Игоря у него и возникло сомнение.

— Не беспокойтесь, — замахал он руками, — к нам тут изредка волшебники заходят, правда, другими дорогами. Что-нибудь придумаем. А пока позвольте предложить вам самые лучшие комнаты.

Глава седьмая

Истории дядюшки Флута

Флут зажег лампы, закрепленные на стене, и Катя с размаху упала на кровать. Наконец-то! Нормальная кровать! Не сиденье на вокзале, не охапка еловых веток, а кроватка. Мягкая, удобная и домашняя. Два дня прошло, а Катя уже наелась дикой жизни досыта. И как люди добровольно в походы ходят? Ни за что в жизни! Только добраться бы поскорее до радуги. Надо будет подробно расспросить обо всем козлоногого. Как он обиделся, когда она его чертом обозвала. Но она же не специально. Откуда ей знать, кто он такой. Она не ожидала встретить существо, похожее на Флута. Хотя рогов у него нет. А вообще, он похож на доброго дядюшку. На макушке лысина, которую обрамляют рыжие кучерявые волосы. Нос картошкой и хитрые глаза в сети мелких морщинок. Поэтому кажется, что хозяин гостиницы улыбается. На вид вроде нормальный.

Катя поднялась и прошла в ванную комнату. О-о-о, вода горячая и холодная. А это что? Зубная щетка? Блеск! Только зубной пасты нет, вместо нее порошок. Надо сообразить. Катя смочила щетку и ткнула ее в белый порошок, тот налип на щетину. Она почистила зубы, помыла руки и спустилась вниз. Там уже собрались дядя Дима и Игорь. Катя посмотрела на дядю Диму: значит, он точно врач, а не профессиональный убийца. Все полегче. Наверное, уморил какого-нибудь пациента.

Флут на кухне готовил что-то необыкновенно вкусное. Катя едва слюной не захлебнулась: как хочется есть. А пока хозяин постоянного двора поставил перед ними по кружке парного молока и тарелку со свежей выпечкой. Катя залпом выпила молоко, откусывая от плюшки большие куски. По телу разлилось приятное тепло. А тут и яичница подоспела. Флут ловко нарезал ее на куски и разложил по тарелкам. Катя думала, что лопнет, но доела порцию. Домашняя еда – самое лучшее на свете.

Она быстро прикончила яичницу и откинулась на стуле – живот надулся, как барабан. А Флут принес еще кувшин с отваром из трав. Такого вкусного чая Катя никогда не пила: горячий, сладкий, с привкусом неизвестных трав, напоминающим что-то среднее между мятой и листьями смородины. И кусок торта, сочащегося кремом, такого нежного, что его только ложкой есть. Катя с усилием пропихнула торт в себя и икнула. Переела! Флут довольно улыбался, глядя на них. И застарелый страх вернулся: вдруг он их отравил? И сейчас она станет корчиться в судорогах, а изо рта пойдет пена? Катя не знала, что испуг возник не беспочвенно – на дальнем конце темного пути Глогх втянул в себя воздух и почувствовал горьковатый, ни с чем не сравнимый запах шедших по проклятой дороге.

Флут подкинул дров в камин и сел за стол.

– Поведайте мне ваши истории, – попросил он, – а я отвечу на вопросы или тоже расскажу историю или сказку. Меняю информацию на информацию.

Катя зевнула. Хочется спать, а не разных баек, хотя надо узнать, что здесь и как. А то бредут, как слепые.

Флут зажег керосиновую лампу, и вокруг нее запорхали белые мотыльки.

– Это особая лампа, – пояснил он, – мы можем разговаривать несколько часов без усталости, а здесь пройдет всего десять минут. Приступим, если согласны.

В углу кто-то закопошился, и Катя с удивлением обнаружила там белого мохнатого паука размером с кулак.

Паук оказался секретарем! Спустился с паутины и залез в комод, доставая нужные записи, которые вели еще предки Флута. Катя подумала, что и ей бы такой секретарь пригодился. Писал бы за нее русский, решал алгебру с геометрией и физику с химией. Красота! А потом Флут зачитал одну из историй. То, что он поведал, никак не укладывалось в голове. Оказывается, Темногорье похоже на шишку. «Еловую», – пояснил Флут.

Ось – место соединения миров, вокзал. Только не та мрачная башня, которую узрели они, а совсем другая. Она белоснежная, по ней двигаются кабины на канатах, переноса на нужный ярус.

«Это он про лифты, что ли?» – сообразила Катя.

От каждого отходит платформа – дорога в один из миров. А то, что видели путники, – искажение из-за темного пути, неправильное отражение.

«Вавилонская башня», – сумничал Игорь не к месту.

Название на что-то смутно намекало, вроде есть легенда о башне, которую строили люди, чтобы добраться до небес. А потом боги на них рассердились и разрушили строение, а люди стали говорить на разных языках. Как-то так.

И вот на эту ось, или вокзал, попадают любыми способами, в зависимости от уровня развития мира. Некоторые пешком или на телегах. Флут как раз и живет в таком мире, где из всех видов транспорта только гужевой развит. Так что им еще повезло с поездом. А дальше от сердцевины расходятся чешуйки. И каждая чешуйка – отдельный мир, но все вместе всё равно Темногорье, ведь шишка одна. Чем дальше миры друг от друга, тем больше между ними разница. Где-то процветает магия, где-то технологии, а где-то – полный упадок. Но миры, которые соприкасаются друг с другом, во многом схожи.

«Параллельные миры», – вновь добавил Игорь.

И существуют три дороги: светлая, серая и темная. Они способны проходить через чешуйки, как нитка, соединяя разные слои Темногорья. По этим путям можно попасть в другие земли, минуя вокзал.

– Обычно эти дороги закрыты, но иногда на них попадают путники, – поведал Флут, – и тогда Темногорье меняется.

– Как это? – не поняла Катя.

– Не знаю, – вздохнул Флут, – и не хочу узнать. Но говорят, что идущие по темному пути видят обратную сторону мира, его худшие свойства.

Катя узнала, что избранные пути находятся в постоянном движении. Сегодня проходят через постоянный двор Флута, а завтра выведут совсем к другой гостинице. Никто не может предугадать, где путники окажутся дальше.

– Может, вам повезет, и вы очутитесь в Совскоге, это зачарованный лес. Там водится золотой олень, чьи рога горят, как факелы. А лесные духи водят хороводы среди дубов.

Флут посмотрел на них и тут же поправился:

– Но, скорее всего, ничего хорошего вас не ждет. Темный путь всегда ведет в плохие места. Просто сейчас вы недалеко от вокзала тысячи миров. Да и гильдия дорожников дорожит репутацией. Нас ни один путь не испортит.

Флут гордо подбоченился, мол, вот он какой правильный. А Катя загрустила: как же все сложно. Хочется поскорее домой, а не бродить опасной дорогой.

Дядя Дима задал вопрос:

– А что это за дверь возле основания радуги?

Флут оживился:

– Это сказка. Хотя поговаривают, что быль. Существует место, где старый дракон зарыл сокровища: груды золота, разноцветные камни, тиары и ожерелья, короны и перстни. И там рождается радуга, только не обычная, с семью дугами, а с тысячью, по числу миров. Правда, про дверь ничего не слышал, а вот знающие люди утверждают, что нашедший радугу может загадать любое желание.

Катя заметила, что дядя Дима при этих словах оживился. До этого сидел отстраненный, словно все это мало заботило его. А теперь глаза заблестели, он подвинулся ближе к столу и начал внимательно слушать.

«Интересно, что его так взволновало? – подумала Катя. – Мне тоже есть, что загадать, если это все правда. Но не нервничать же так!»

Флут встал из-за стола, открыл буфет и что-то долго искал на полках. Затем вернулся к путникам и выложил на стол три стёклышка.

– Говорят, – произнес он, – что, глядя через эти стекла, можно увидеть путь к радуге, если собьешься с дороги. Сам не пробовал – ни к чему.

Они не стали отказываться, и каждый взял себе по кругляшу. А потом Флут поведал сказку, а может, миф, а возможно – истинную правду.

Давным-давно в космосе блуждало существо. По меркам Вселенной – крошечное, а по нашим – с целый мир. Из спины пробивались острые каменные шипы, на брюхе росла зеленая шерсть, а кровь была прозрачной и соленой. Существо походило на все и ни на что. Если разглядывать его по частям, то понимаешь: спина – горная гряда, живот – бескрайние луга, кровеносная система – сеть рек и озер. Правый глаз, ослепительно белый, – Солнце, левый, темный, как ночь, – Луна. Существо бродило от звезды к звезде, убегало от черных дыр, пряталось в туманностях. Но однажды повстречало огненную комету с длинным хвостом, переливающимся, как сотни солнц: красных, белых, желтых, коричневых и черных. Любовь вспыхнула в сердце создания. Оно бросилось вдогонку за кометой, но та ускользала, заигрывая. Бесконечно долго преследовало существо красавицу, а она дразнила: то подпускала ближе, то вновь убегала. Все быстрее и быстрее, разгоняясь и разгораясь, мчались они по космосу. Наконец, создание догнало комету и заключило в объятья. И тут же вспыхнуло от боли – ведь любовь редко обходится без страданий. Из гор потекла огненная лава, кровь забурлила и превратилась в пар, трава побурела и стала бесплодной землей. Глаза выкатились из глазниц и повисли на небе луной и солнцем. Существо скорчилось, замерло и навсегда уснуло. Так возник Скарамунт, мир Черной Луны. А комета помчалась прочь, такая же легкомысленная, как и раньше. С тех пор по Скарамунту бродили дети существа и кометы – первые жители края.

Катя с интересом выслушала истории Флута. Затем начались бесконечные разговоры: дядя Дима расспрашивал Флута, а того интересовало все из их мира. Казалось, язык отвалится отвечать. Наконец, Флут утолил любопытство насчет их мира, и пришел черед рассказывать истории о себе. Паук-секретарь залез на краешек стола и держал в ногах перо и бумагу. Катя первой о себе рассказала, сама от себя не ожидала, а паук записал каждое слово. Видимо, лампа вызывала на откровенность. Слишком большую откровенность, потому что иначе она бы постаралась смягчить, представить себя в более выгодном свете. Затем выслушали Игоря, а под конец – дядю Диму.

Глава восьмая

Небо падает

Дмитрий Иванович или, как его звали друзья еще со школы, Хирург, злился – Аня снова завела разговор о детях. Мол, ей давно не шестнадцать, подружки все замужем и родили по второму ребенку, а она все ждет, когда он созреет. Сдалось ей это замужество и дети! Ну, не готов он и не хочет. Может, и не решится никогда. Так хорошо жили, и вот получите – придется расстаться, видимо. Хирург резко встал из-за стола, оставив недоеденным ужин, аппетит совсем пропал. Аня осталась на кухне, с шумом убирала посуду – так она выражала недовольство. Потом придет в комнату, сядет на край дивана и уставится выжидающе. А он начнет беситься, что она – как все бабы. А ведь так замечательно все начиналось.

В больницу ее привезли на «Скорой» с приступом аппендицита. Саму операцию, как и Аню, Хирург не помнил – в тот день в операционную пациенты поступали сплошным потоком. К концу смены он и собственное имя бы не произнес. А утром, когда хочется только одного – свалиться и заснуть, – обход палат. Вот тут-то он и разглядел Аню. Она лежала возле окна и вроде бы дремала. Но когда подошел, она посмотрела на него, и Хирурга словно водой окатило. Точно два осколка неба попали в ее глаза. Потом ему долго мерещилось, что в лазури просверлили бесконечные дыры, когда позаимствовали синь для Ани. Хирург оробел и севшим голосом поинтересовался самочувствием. Аня прикрыла глаза и тихо ответила, что все нормально. И с того момента Хирург пропал, влюбился, как подросток. Он злился на самого себя, но все тянул и тянул с выпиской, пока Аня не сказала, что уходит под расписку. И тогда Хирургу ничего не оставалось, как пригласить ее на свидание.

Он ухаживал по законам жанра: цветы, рестораны, вечерние гуляния... Рядом с Аней Хирург робел, точно прыщавый пацан. Она была удивительная. Сильная духом, несмотря на внешнюю хрупкость, с ироничным умом и способностью по-детски удивляться. Широко распахнутые глаза казались далекими Вселенными – такие же бездонные. В пушистые волосы хотелось зарыться и долго вдыхать запах. Среди светлых локонов над правым виском виднелась темно-серая прядь. Хирург сначала думал, что Аня специально красит ее, чтобы выделиться, но оказалось, с рождения.

«Бог отметил», – пошутила она.

И вот, после пяти лет совместной жизни, любовь ушла, осталась привычка. И все разговоры о детях вызывают лишь раздражение.

Аня зашла в комнату.

– Дима, я серьезно, – продолжила она, – не надейся отмолчаться.

Хирург выключил телевизор и отбросил пульт.

– Давай поговорим, раз тебе неймется, – согласился он.

– Мне тридцать лет, Димка. Я уже не девочка. Я спокойно не могу пройти мимо детских колясок.

Хирург размышлял: мне тридцать пять, и никого я не хочу. Все эти ночные бдения,

бесконечные болезни и ответственность – не готов брать это на себя. В больнице с излишком хватает геморроя.

– Нет, – отрезал он, – никаких детей.

Аня долго смотрела на него, точно он открылся с неизвестной стороны, а потом заключила:

– Ты трус, Димка, ты обычный трус.

И стала собирать вещи, а он не остановил.

Сначала думал, что она вернется. Поживет без него, поскучает и примчится. Однако ни через неделю, ни через две Аня не объявилась. Да и не в ее характере – бегать за ним. А вот самому Хирургу стало неожиданно неуютно, словно в одежде не своего размера: отвык быть один. И даже не в этом было дело, а в Ане – сроднился он с ней, пророс корнями и теперь тосковал. Несколько раз во сне привычно пытался обнять и просыпался, не обнаружив. Не хватало ее разбросанных вещей, запаха кофе по утрам, книг фэнтези, которые она обожала. Ани не хватало! А ведь Дима считал, что любовь завяла, как астры, которых давно не дарил ей. Хотя раньше всю осень таскал стрелчатые цветы. Все-таки привычка заслоняет главное, застилает глаза. И иногда надо отказаться от обыкновенного, чтобы понять, что по-настоящему дорого. Он все набирался смелости, чтобы приехать к ней – она жила у сестры, и объясниться. Но зав. отделением ушел в отпуск, дежурств прибавилось, и сил хватало лишь добраться до дома. А иногда Хирург оставался ночевать в больнице.

После одного особо трудного дежурства в глазах потемнело.

«Не хватало еще самому коньки отбросить», – Хирург успел схватиться за край стола и не упасть.

– Вам плохо, Дмитрий Иванович? – подросла Ирочка.

Она была совсем молодой, на тринадцать лет младше него. Высокая, под стать Хирургу, видная во всех смыслах девушка. Жгучая брюнетка с длинными, до пояса, волосами, она давно неровно дышала к Хирургу, но тот не собирался усложнять свою жизнь – аппетиты у Ирочки будь здоров. С такой из кожи выпрыгнешь, зарабатывая на шубы, бриллианты и поездки за границу. А у него с инстинктом самосохранения пока все в порядке. От Ирочки надо держаться подальше.

[Купить полную версию книги](#)